

ПЕРВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

© 2023 г. П. А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: skoblikov@list.ru

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

Аннотация. В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия первого Уголовного кодекса Советской России — принципиально нового кодифицированного акта в истории российского законодательства. Цели настоящего исследования: выявить и проанализировать положения УК РСФСР 1922 г., направленные на борьбу с профессиональной преступностью; оценить их обоснованность, новизну и последовательность в контексте уголовно-политических задач, которые были поставлены перед законодательными органами, а также их обусловленность складывающейся в тот период социально-экономической и криминологической ситуации; создать предпосылки для дальнейших исследований на тему того, в какой мере подходы законодателя к уголовно-правовой борьбе с профессиональной преступностью получили воплощение и развитие в последующем уголовном законодательстве. В статье проанализированы основные и квалифицированные составы преступлений, содержащих такие признаки, как занятие преступлениями определенного вида как профессией и совершения преступления в виде промысла. Рассмотрены правила назначения наказания профессиональным преступникам и применение к ним, помимо наказания, иных мер социальной защиты. Предписания уголовного закона изложены в сочетании с характеристикой социально-экономической и криминогенной обстановки начала 20-х годов XX в., взглядами отечественных юристов того времени на проблемы криминального профессионализма, оценкой оснований законодательных решений, их пробелов и недостатков.

Ключевые слова: УК РСФСР 1922 г., профессиональный преступник, совершение преступления в виде промысла, занятие преступлениями как профессией, инфраструктура профессиональной преступности, уголовное наказание, меры социальной защиты, рецидив, основной состав преступления, квалифицированный состав преступления, преступные масти, кражи, покупка заведомо краденного с целью сбыта, ростовщичество, фальшивомонетничество.

Цитирование: Скобликов П.А. Первый Уголовный кодекс Советской России и ответственность профессиональных преступников // Государство и право. 2023. № 1. С. 153–161.

DOI: 10.31857/S102694520024127-0

THE FIRST CRIMINAL CODE OF SOVIET RUSSIA AND THE RESPONSIBILITY OF PROFESSIONAL CRIMINALS

© 2023 P. A. Skoblikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: skoblikov@list.ru

Received 15.07.2022

Abstract. In 2022, 100 years have passed since the adoption of the first Criminal Code of Soviet Russia — a fundamentally new codified act in the history of Russian legislation. The objectives of this study: to identify and analyze the provisions of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 aimed at combating professional crime; to assess their validity, novelty and consistency in the context of the criminal-political tasks that were set before the legislative bodies, as well as their conditionality of the socio-economic and criminological situation that was developing at that time; to create prerequisites for further research on the extent to which the approaches

of the legislator to the criminal-legal fight against professional crime were embodied and developed in the subsequent criminal legislation. The article analyzes the main and qualified elements of crimes containing such signs as engaging in crimes of a certain type as a profession and committing a crime in the form of fishing. The rules of sentencing professional criminals and the application of other social protection measures to them, in addition to punishment, are considered. The prescriptions of the criminal law are set out in combination with the characteristics of the socio-economic and criminogenic situation of the early 20^s of the twentieth century, the views of domestic lawyers of that time on the problems of criminal professionalism, assessment of the bases of legislative decisions, their gaps and shortcomings.

Key words: Criminal Code of the RSFSR of 1922, professional criminal, commission of a crime in the form of fishing, occupation with crimes as a profession, infrastructure of professional crime, criminal punishment, social protection measures, recidivism, the main corpus delicti, qualified corpus delicti, criminal suits, theft, purchase of knowingly stolen for sale, usury, counterfeiting.

For citation: Skoblikov, P.A. (2023). The first Criminal Code of Soviet Russia and the responsibility of professional criminals // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 153–161.

26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX Всероссийского съезда Советов, высшего органа государственной власти в РСФСР в 1918–1937 гг., был принят первый Уголовный кодекс Советской России – УК РСФСР 1922 г. Кодекс содержал как Общую, так и Особенную часть, где закреплялась ответственность за конкретные преступления¹.

Тогда, в послереволюционный период, в стране происходило радикальное переустройство общества и, соответственно, создание принципиально новой правовой системы, наблюдалась быстрая реализация (или по крайней мере попытки реализации) идей, которые в рамках устоявшейся правовой системы могли долго обсуждаться, но так и не воплотиться в жизнь.

В связи с этим исследование данного нормативного правового акта, ныне памятника отечественного уголовного права, представляет интерес во многих отношениях, прежде всего, как источника целого ряда уголовно-правовых идей и конструкций, развитых в последующем уголовном законодательстве либо им отринутых. В настоящей статье автор рассматривает недостаточно освещенные в юридической литературе вопросы уголовной ответственности за профессиональную преступную деятельность.

Профессиональные преступники в представлениях российских учёных 20-х годов XX в.

К главному критерию для причисления лица к типу профессионального преступника российские ученые в 20-х годах прошлого века относили

¹ В то время как Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утверждённые 22.12.1919 г. постановлением Народного комиссариата юстиции, содержали лишь общие положения (об уголовном праве, уголовном правосудии, о преступлении и наказании и др.). Подробнее об этом важном для истории уголовного права нормативном акте см., напр.: Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.

стремление субъекта к удовлетворению своих потребностей с помощью противоправной деятельности. Так, выдающийся русский юрист и психолог С. В. Познышев считал профессиональным преступником того, «кто несколько, раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность»². Обращает на себя внимание то, что это определение допускает расширительное толкование и позволяет относить к профессиональным преступникам тех лиц, кто не имеет корыстных мотивов, например: серийных убийц, совершающих свои деяния бескорыстно, для получения психологического удовлетворения от самого акта лишения жизни, хулиганов, для забавы издевающихся над окружающими, и проч. Однако ознакомление с процитированным трудом С. В. Познышева показывает, что все описанные им и отнесенные к профессионалам преступники действовали с корыстными мотивами.

В этом смысле более определенно высказался М. М. Гродзинский, по мнению которого к профессиональным преступникам, или преступникам «промысла», относились «те, кто не только систематически совершает преступления, но обращает последние в источник материальных благ, необходимых для существования, иначе говоря, делает преступления источником доходов». Он подчеркивал, что для отнесения преступника к этой категории необходимо установить факт более или менее регулярного получения им материальной выгоды от преступлений, «причем совершенно безразлично, является ли преступная деятельность единственным источником существования данного лица или же имеются и другие средства существования у преступника, равно как в последнем случае безразлично, является ли преступная деятельность

² Познышев С. В. Криминальная психология: преступные типы. Л., 1926. С. 117.

главным или же второстепенным источником дохода»³. Близкой позиции придерживался А.А. Пионтковский: «Профессиональная преступность... является... постоянным систематическим занятием данной преступной деятельностью, служащей источником (основным или вспомогательным) существования данного лица»⁴. Если исходить из этого посыла, то *профессиональные преступники чаще всего совершают имущественные преступления*.

Чем обуславливалось повышенное внимание к теме профессиональной преступности в то время? В чём виделась большая опасность профессиональной преступности? По мнению Б.С. Утевского (его поддерживали М.Н. Гернет, И.Н. Якимов и др.), профессиональные преступники, составляя ядро преступной среды, совершали «огромное число открываемых преступлений, еще большее число не открываемых и, вероятно, во много раз большее число преступлений, которые даже не доходят до сведения органов розыска и дознания»⁵. Поэтому если бы удалось ликвидировать преступников-профессионалов, то общая картина преступности резко бы изменилась в лучшую сторону.

Криминогенные факторы, усугубившие проблему профессиональной преступности в России после окончания Гражданской войны

Не менее важно отметить, что к началу 1920-х годов проблема профессиональной преступности значительно усугубилась. Этому способствовали тяжелые последствия Первой мировой и Гражданской войн: разруха, безработица, голод, беспризорность миллионов детей и подростков⁶ (которых профессиональным преступникам легче всего вербовать в качестве подручных, обучать криминальному «мастерству»⁷), распространение наркомании⁸, нарушение нормальной деятельности, а позднее и слом прежней правоохранительной системы, массовое освобождение из мест лишения свободы содержащихся там преступников, существенную долю которых

составляли рецидивисты-профессионалы. Всё это обусловило не только количественный, но и качественный скачок профессиональной преступности.

В этот период наряду с дореволюционными преступниками появилась новая категория нарушителей уголовного закона, состоявшая из двух принципиально разных социальных групп. Одну составили т.н. бывшие (дворяне, выходцы из буржуазных слоев общества, мещане, военные, чиновники и др.), прежде всего те из них, кто в силу своих убеждений или других причин не стал либо не сумел сотрудничать с советской властью. Не имея зачастую легальных доходов (или будучи неудовлетворенными их уровнем), они получали средства к существованию за счёт совершения имущественных преступлений. В другую группу входили преступники пролетарского или крестьянского происхождения, ставшие на криминальный путь по несчастью: безработные, беспризорные и безнадзорные, не имеющие средств к существованию, нищие, лица, занимающиеся мелкими кражами, проституцией и др. Каждая категория и группа имела характерные особенности. Так, дореволюционные преступники владели богатым опытом, «техническими» навыками и определенной «квалификацией» в совершении преступлений. У них были налаженные каналы сбыта краденого, они знали и соблюдали обычаи традиционной уголовной среды, что облегчало установление новых криминальных контактов. В свою очередь, «бывшие» не имели преступной квалификации, рынков сбыта, не знали тонкостей воровских обычаев. Но они были лучше образованы, интеллектуально и социально развиты, обладали организаторскими способностями. Названные категории преступников не могли длительное время существовать и действовать параллельно или враждовать. Рано или поздно они должны были объединиться, ведь подобное слияние предопределено объективно, и оно состоялось⁹.

Усиление ответственности профессиональных преступников по УК РСФСР 1922 г.

В целом подход законодателя в УК РСФСР 1922 г. применительно к профессиональным преступникам состоял в том, что *для них суды должны определять более строгую меру наказания, нежели для лиц, совершивших преступление впервые*. Такое правило закреплялось в главе III «Определение меры наказания»: при определении меры наказания судам следует различать, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз (п. «е» ст. 25).

⁹ Подробнее об этом см.: *Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск, 1979. С. 5, 6.

³ *Гродзинский М. М.* Профессиональная преступность и Уголовный Кодекс РСФСР // *Право и Жизнь*. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72, 73.

⁴ *Пионтковский А. А.* Уголовное право РСФСР. М., 1924. Часть общая. С. 220.

⁵ Цит. по: *Гуров А. И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 25, 26.

⁶ К 1922 г. в России насчитывалось около 7 млн беспризорных. Решение проблемы беспризорности было объявлено политической задачей (см.: *Рожков А. Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // *Вопросы истории*. 2000. № 11. С. 134).

⁷ *Познышев С. В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 4.

⁸ См.: *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 154.

Таким образом, *при совершении корыстных преступлений суды должны были выяснять, являются ли подсудимые профессиональными преступниками и, если это обстоятельство установлено, назначать им более строгое наказание в тех пределах, которые определены в санкции за соответствующее преступление.*

Кроме того, Особенная часть УК РСФСР 1922 г. предусматривала восемь корыстных преступлений, при конструировании которых использованы такие признаки «занятием преступлением как профессией» или «совершение преступления в виде промысла». С некоторой долей условности¹⁰ можно считать, что речь идет об одном и том же¹¹, поскольку, если исходить из приведенного выше определения, совершение преступлений в виде промысла означает криминальный профессионализм.

Эти признаки, в основном, использованы в качестве отягчающих при конструировании квалифицированных составов преступлений, но в трех случаях такой признак является конститутивным, законодатель прибег к нему при конструировании основного состава преступных деяний (ст. 139, 140а и 181).

В гл. VI «Имущественные преступления» предусмотрено три преступления рассматриваемого типа.

Первое преступление — квалифицированная кража — описано в п. «б» ст. 180. Если тайное похищение чужого имущества совершалось лицом, занимающимся кражами как профессией, то содеянное расценивалось как более опасное преступление, нежели простая кража — как квалифицированная кража. Санкция за последнее деяние значительно суровее, мера основного наказания имела более высокий верхний предел. Для сравнения: за простую кражу виновному грозило наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев (п. «а» ст. 180), в то время как за квалифицированную кражу — до двух лет лишения свободы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный признак использован только для конструирования квалифицированного состава кражи. Занятие грабежами, мошенничествами и другими хищениями как профессией не образовывало квалифицированных составов по УК РСФСР 1922 г. Такое решение законодателя можно объяснить

¹⁰ Возможные несовпадения этих понятий будут рассмотрены ниже.

¹¹ По крайней мере такую позицию заявил вскоре после принятия Кодекса известный советский правовед, автор учебников по уголовному праву (адресованных как студентам вузов, так и практическим работникам юстиции) А.А. Пионтковский. Он полагал очевидным, что обращение преступной деятельности в промысел является идентичным понятию профессиональной преступности (см.: *Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 220*).

трояко: 1) кражи преобладали в структуре профессиональной преступности; 2) лица, совершающие кражи («крадуны»), доминировали среди профессиональных преступников; 3) именно «крадуны» больше всех пестовали антиобщественные традиции, чаще всего достигали больших высот в своём криминальном мастерстве; внутри этого криминального цеха существовало множество более узких «профессий» (одни воры специализировались на карманных кражах, другие — на кражах из квартир и домов, третьи — на кражах в поездах, четвертые — на кражах из магазинов¹², пятые — на кражах лошадей и т.д.).

В этой части полезно сопоставить первый советский Уголовный кодекс с Уголовным уложением 1903 г. — последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской Империи в области материального уголовного права. При конструировании норм об ответственности за преступления определенных видов в нём также использовался признак «совершение в виде промысла», причём даже чаще, чем в УК РСФСР, т.е. имеет место преемственность. Однако по Уголовному уложению совершение краж в виде промысла образовывало квалифицированный состав лишь в одном случае — если преступник специализировался на кражах лошадей (конокрадство, ст. 585). Универсальной нормы об ответственности за кражу любого имущества в виде промысла дореволюционное законодательство не знало, профессиональные воры несли ответственность на общих основаниях.

Совершение кражи в виде промысла и занятие кражами как профессией

Примечательно также, что в ст. 180 УК РСФСР 1922 г. квалифицирующий признак обозначен не выражением «совершает кражи в виде промысла», а «занимается кражами как профессией». Почему?

Можно предположить следующее. Авторы УК РСФСР исходили из более глубокого представления о профессиональных преступниках, чем это изложено в процитированных выше работах, видели различие преступного промысла и криминального профессионализма, понимали, что совершение преступления в виде промысла даёт основание предполагать в субъекте преступления профессионального преступника, но однозначно на это не указывает. В силу разных обстоятельств человек может на протяжении определенного

¹² Речь идет о крупных кражах со взломом, совершаемых, как правило, в ночное время. Их статистический рост во время Первой мировой войны и ещё более после её окончания давал основание исследователям-современникам предполагать возрастание профессиональной преступности (см. подр.: *Гернет М.Н. Указ. соч. С. 46*).

времени совершить несколько однородных или идентичных корыстных преступлений, не требующих специальных навыков и умений, а как только обстановка изменится — прекратить преступную деятельность. Для однозначного вывода о криминальном профессионализме могли потребоваться дополнительные признаки: обучение преступному ремеслу лица со стороны более опытных преступников, последовательное совершенствование лицом своих преступных навыков и умений, усвоение и одобрение криминальной субкультуры, наличие у лица идеологического обоснования преступной деятельности, совершение преступлений на протяжении длительного времени и др. Однако в то время данная тема не была достаточно разработана ни отечественными, ни зарубежными исследователями¹³, хотя определенные подходы некоторыми отечественными юристами были заявлены, пусть и в рамках иных исследований.

Так, С.В. Познышев, предостерегая от совместного содержания юных профессиональных преступников с подростками иных категорий в одних и тех же исправительно-воспитательных домах, указывал на ряд признаков, которые, с большой осторожностью, можно принимать за показатели складывающегося профессионального типа: неоднократное совершение преступления одного и того же вида (1), знание воровского жаргона (2), знание технических приемов совершения известного вида преступлений (3) и способность самому употребить хотя бы некоторые из этих приемов (4), знакомство с притонами (5), частые свидания и близкое знакомство со взрослыми ворами (6), известная кличка, данная подростку взрослыми ворами (7), неоднократность приводов в комиссии (8), побеги из притоны из воспитательного заведения (9) и т.п. Если в прошлом подростку имело место пребывание в местах заключения, то это большей частью свидетельствует о полученной там известной профессиональной подготовке к деятельности на преступном поприще (10)¹⁴.

Как бы то ни было, правоприменителям предоставлялась возможность решать, идентичны ли признаки «совершать кражи в виде промысла» и «заниматься кражами как профессией», а если нет, то каким образом проводить разграничение между этими понятиями.

¹³ К примеру, работа «Профессиональный вор» (в которой показано, сколь значимо для достижения криминального мастерства вора обучение у более опытных «коллег», восприятие от них соответствующих «ценностей» и установок) крупного американского криминолога Эдвина Сатерленда была опубликована лишь 15 лет спустя (см.: *Conwell, Chic (pseudonym). The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E.H. Sutherland. Chicago, 1937*).

¹⁴ См.: *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. С. 105, 106, 136.

Преступления, совершаемые в виде промысла, ответственность за которые предусматривалась в УК РСФСР 1922 г.

Обратимся далее к иным деяниям, предусмотренным в УК РСФСР 1922 г. и предполагающим криминальный профессионализм.

Прежде всего это такое деяние, как покупка заведомо краденого с целью сбыта в виде промысла (также квалифицированный состав); оно описано в ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Каралось названное деяние лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части имущества. Для сравнения: при выполнении основного состава виновному грозило наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок до одного года. Разница заключалась не только в более строгом наказании при совершении преступления в виде промысла, но и в различных сроках давности исполнения наказания. По общему правилу, давностный срок при выполнении основного состава составляет три года, квалифицированного — пять лет (ст. 21).

В инфраструктуре профессиональной преступности прошлого века скупщики похищенного имущества занимали важное место. Они оказывали содействие лицам, совершающим не только кражи, но и любые другие хищения (мошенничества, грабежи и т.д.). Их функционирование облегчало реализацию преступного замысла похитителей, повышало безопасность последних, способствовало более глубокой специализации профессиональных преступников, делая профессиональную преступную стезю более привлекательной. Таким образом, деятельность профессиональных скупщиков похищенного обладала повышенной общественной опасностью, и неудивительно, что за совершение такого рода деяний законодатель предусмотрел более строгие санкции, нежели за совершение квалифицированных краж.

Ещё одно преступление с рассматриваемым признаком — ростовщичество — описано в ст. 193. В этой статье зафиксированы два альтернативных состава (финансовое и вещное ростовщичество); в первом из них совершение в виде промысла является конститутивным признаком¹⁵.

¹⁵ Для четкости восприятия дальнейшего изложения и с учётом того, что уголовная ответственность за ростовщичество давно исключена из российского законодательства, имеет смысл привести диспозицию, зафиксированную в ст. 193: «Ростовщичество, т.е. взимание в виде промысла за данные взаимно деньги процентов сверх дозволенных законом, или предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду, карается — ...».

В чём суть этого преступления? Она заключается в приобретении имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего, в получении имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего. Если лицо впервые судится, вывод о том, что ростовщичество совершено в виде промысла, правомерно делать на основании того, что подсудимый совершил ряд таких деяний. Если же лицо имеет судимость за ростовщичество, достаточно доказать один новый эпизод этой деятельности, имевший место после первого осуждения. Такое лицо в юридической литературе 1920-х годов характеризовалось как «профессиональный ростовщик»¹⁶.

Не только имущественные преступления имеют в качестве предмета посягательства вещи, деньги, другое имущество и (или) могут совершаться для извлечения регулярного дохода. Законодатель учёл это обстоятельство в УК РСФСР 1922 г., усилив ответственность профессиональных преступников за ряд иных деяний.

В гл. I «Государственные преступления», в той её части, где предусматриваются преступления против порядка управления, закреплены два квалифицированных состава преступления по признаку совершения в виде промысла.

Одно из них – подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты (ст. 85). Другое – «нарушение законов о ввозе за границу или провозе за границу товаров» (ст. 97). Первое из этих преступлений каралось наиболее строго, если сравнивать со всеми иными, совершаемыми в виде промысла. Виновным независимо от преступной роли грозила высшая мера наказания с понижением, при смягчающих обстоятельствах, наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества, а при отсутствии предварительного соглашения или отношении укрывателей – лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией части имущества.

Логика законодателя понятна, поскольку основным объектом рассматриваемого посягательства выступает денежно-кредитная система государства. Наполнение рынков фальшивыми деньгами и другими знаками государственной оплаты ведет к обесцениванию легальных денег, усиливается инфляция, т.е. ущерб причиняется не только тем лицам, которые получили фальшивые знаки государственной оплаты под видом настоящих, но и всем жителям страны. В условиях ограниченных

продовольственных и других жизненно важных ресурсов это было особенно опасно. Надо также упомянуть, что подделка знаков государственной оплаты в 1920-е годы представляла немалые трудности ввиду отсутствия в гражданском обороте механизмов и приспособлений, облегчающих эту противоправную деятельность. Она требовала от фальшивомонетчиков специальных познаний в области химии, физики и других наук, а также сложных умений и навыков. Как следствие, эти лица обладали высокой степенью криминального профессионализма и пользовались определенным признанием в антиобщественной среде.

В гл. IV «Преступления хозяйственные» предусмотрены два преступления, в конструкции которых использован признак «совершения в виде промысла». В одном случае установлена ответственность за скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (ст. 139). В другом – за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков в виде промысла (ст. 140а). В обоих случаях указанный признак конститутивный, он использован для конструирования основных составов, т.е. в отсутствие этого признака уголовная ответственность за указанные деяния не наступала.

В гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» установлена ответственность за одно преступление, конструкция которого содержит признак «совершения в виде промысла» (ст. 146). Здесь этот признак квалифицирующий. Основной состав – с согласия матери изгнание плода или искусственное прерывание беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях. Это преступление каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года. Если же виновный совершал такое преступление в виде промысла, наказание повышалось до лишения свободы на срок до пяти лет.

Какой была правоприменительная практика после принятия УК РСФСР 1922 г.?

Более полное представление о рассмотренных выше признаках криминального профессионализма «занятие кражами как профессией» и «совершение преступления в виде промысла» мог бы дать анализ правоприменительной практики. Однако в силу объективных причин это невозможно – сроки хранения уголовных дел начала 1920-х годов истекли, поэтому даже в тех регионах страны, которые не пострадали в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в силу особых причин могут

¹⁶ Жижиленко А.А. Имущественные преступления. Л., 1925. С. 182, 188.

сохраниться лишь отдельные дела или приговоры. Их обнаружение — вопрос случая, но и тогда репрезентативная выборка дел невозможна из-за отсутствия их генеральной совокупности.

Вместе с тем некоторое представление о правоприменительной практике может дать обращение к материалам практического пособия «Сборник обвинительных пунктов по уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р.»¹⁷. Пособие подготовлено начальником отделения по надзору за органами следствия и дознания Омской губернской прокуратуры и адресовано работникам суда, иным практическим работникам¹⁸. В этой книге приводятся фабулы уже состоявшихся уголовных дел, квалификация которых соответствует тем или иным статьям УК РСФСР 1922 г. и признается верной. Таким образом, содержащиеся в книге материалы отчасти отражали правоприменительную практику, складывающуюся после введения в действие УК РСФСР 1922 г., — это, с одной стороны. А с другой — оказывали влияние на эту практику, призывали следовать размещенным в книге примерам как образцам.

Четких ориентиров для квалификации содеянного как занятия кражами в виде профессии или совершения преступления в виде промысла цитируемый Сборник практическим работникам не предлагал. Почерпнуть эти ориентиры автору-составителю в доступных уголовных делах, по всей видимости, не удалось.

Другие меры социальной защиты, целесообразные для применения к профессиональным преступникам

Помимо изложенного следует обратить внимание, что в УК РСФСР предусматривались другие меры социальной защиты (ст. 46), не считавшиеся наказанием и не включенные в перечень видов наказания, налагаемых по данному нормативному правовому акту (ст. 32). В таких мерах карательный элемент минимален либо отсутствует, но высок профилактический потенциал. Среди них — удаление из определенной местности (п. «г» ст. 46). Указанная мера могла быть назначена лицам, которые признаны социально опасными *по причине связи с преступной средой данной местности*. Осужденные по приговору суда после отбытия основного

наказания лишались права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет (ст. 49). *Связь с преступной средой конкретной местности, как правило, поддерживают профессиональные преступники. Следовательно, рассматриваемая мера прежде всего направлена против них и призвана затруднить продолжение их преступной деятельности после отбытия основного наказания.* Если более конкретно, то совершение новых имущественных преступлений в результате осложняется, поскольку затрудняется поиск наводчиков, соисполнителей, сбытчиков похищенного и т.д. (в привычной среде, где у профессионального преступника имеются соответствующие связи, решение перечисленных задач, напротив, упрощается).

Характерно, что в криминологических источниках середины 1920-х годов понижение уровня регистрируемой преступности в столичных городах на фоне повышения этого показателя в дальних городах и губерниях объяснялось высылкой из столиц преступников-профессионалов на основании ст. 49 УК РСФСР¹⁹.

В современных источниках можно встретить однозначно негативные оценки рассмотренной выше меры социальной защиты. Так, Э.Г. Шкредова пишет: «К отрицательным моментам следует отнести введение в ст. 49 высылки по основанию, имеющему оценочный характер, относящийся исключительно к антисоциальной характеристике личности (в эту группу входили лица, связанные с преступной средой данной местности независимо от совершенных ранее преступных деяний), т.е. введение не уголовно-правового основания применения мер принуждения»²⁰. При этом логику размышлений, приведших к данному выводу, автор не раскрывает. Да и сам вывод сформулирован нечетко. То ли автор считает, что имело место отступление от принципа законности, то ли полагает, что для применения этой меры не требовалось доказывать факт совершения деяния, запрещенного УК РСФСР 1922 г., то ли имеется в виду что-то иное.

Между тем, как это следует из содержания ст. 46 Кодекса, удаление из определенной местности осужденного (равно как и любая другая мера социальной защиты: принудительное лечение, отдание несовершеннолетнего на поруки и проч.) заменяет наказание или следует за ним, т.е. назначается лицу, виновность которого в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, доказана. Эта мера закреплена в законе, назначается по приговору суда и нацелена на предупреждение совершения

¹⁷ Васильев П. П. Сборник обвинительных пунктов по Уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р. / составил П. П. Васильев, нач. отделения по надзору за органами следствия и дознания Омск. губ. прокуратуры. Омск, 1922.

¹⁸ Из предисловия к книге, написанного консультантом Омгубсовнарсуда Н. Сосновским: «Нет сомнения, что названная книга будет настольной книгой у каждого судебного работника, особенно у заброшенных в глуши, где не с кем поделиться и посоветоваться, а сборник будет этим советником и даст ответ почти на все вопросы, которые могут возникнуть при применении уголовного Кодекса».

¹⁹ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. С. 160.

²⁰ Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.

новых противоправных деяний со стороны осужденного, с учётом его личных характеристик.

Для полноты картины стоит указать, что в уголовном законодательстве Российской Империи не предусматривались меры социальной защиты, назначаемые преступникам наряду с наказанием или вместо него. Однако такой институт к началу XX в. уже был проработан в теории уголовного права государств Европы и получил воплощение в некоторых новейших на тот момент уголовных кодексах²¹. В отличие от наказания, чьим обязательным содержанием является кара, и которое направлено как на общее, так и на специальное предупреждение преступлений, меры социальной защиты могут не иметь карательной составляющей и нацелены на предупреждение совершения нового преступления тем же преступником, на предотвращение рецидива. Таким образом, рассматриваемый правовой институт не является изобретением советской власти, советских учёных-юристов, но именно эта власть восприняла прогрессивные для своего времени идеи и внедрила их в отечественное законодательство.

Вместе с тем законодатель в УК РСФСР 1922 г. воздержался от формулирования признаков, по которым можно установить криминальный профессионализм обвиняемого, и это не могло не осложнить применение рассмотренных здесь норм, одновременно расширялась почва для субъективных и произвольных решений при назначении наказания и мер социальной защиты.

Заключение

В завершение необходимо отметить следующее. В УК РСФСР 1922 г. законодатель проявил себя наиболее решительно и продуманно в вопросах уголовно-правового обеспечения борьбы с профессиональной преступностью, несмотря на отсутствие желаемой четкости, последовательности и полноты при регламентации этих вопросов.

В УК РСФСР 1926 г. уже не использовался квалифицирующий признак «совершение преступления лицом, занимающимся кражами как профессией». Ещё более важно, что в УК РСФСР 1926 г., равно как и в УК РСФСР 1960 г., назначение наказания и других уголовно-правовых мер в целом не было увязано с криминальным профессионализмом подсудимого, хотя при совершении противоправных деяний некоторых видов наличие признака «совершение в виде промысла» по-прежнему влекло квалификацию содеянного как преступления или переквалификацию на более «тяжелые» статьи (части, пункты), применение более строгих наказаний. При этом, однако, просматривалась

²¹ Подробнее см.: *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Одесса, 1919. С. 2, 3.

тенденция на постепенный отказ от использования рассматриваемого признака²². В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. этот признак не использовался и не используется до настоящего времени. Более того, Уголовный кодекс РФ последовательно меняется в направлении смягчения и полного освобождения от ответственности лиц, со стороны которых имеет место криминологический (фактический) и уголовно-правовой рецидив преступлений²³. А рецидив – важный индикатор, опосредованно указывающий на масштабы профессиональной преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев П.П.* Сборник обвинительных пунктов по Уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р. / составил П.П. Васильев, нач. отд-ния по надзору за органами следствия и дознания Омск. губ. прокуратуры. Омск, 1922.
2. *Водолазский Б.Ф., Вакутин Ю.А.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск, 1979. С. 5, 6.
3. *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 46, 154, 160.
4. *Гродзинский М.М.* Профессиональная преступность и Уголовный Кодекс РСФСР // *Право и Жизнь*. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72, 73.
5. *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 25, 26.
6. *Жижиленко А.А.* Имущественные преступления. Л., 1925. С. 182, 188.
7. *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Одесса, 1919. С. 2, 3.
8. *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. М., 1924. Часть общая. С. 220.
9. *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 4, 105, 106, 136.
10. *Познышев С.В.* Криминальная психология: преступные типы. Л., 1926. С. 117.

²² Так, в первой редакции УК РСФСР 1961 г. было предусмотрено пять подобных преступлений: коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла, – ст. 153; спекуляция в виде промысла – ст. 154; изготовление или сбыт в виде промысла поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов – ст. 159; незаконная порубка леса в каких бы то ни было лесах, совершенная в виде промысла, – ст. 169; приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное в виде промысла, – ст. 208. А вот в последней редакции данного Кодекса признак «совершение в виде промысла» использовался при конструировании лишь двух составов преступлений.

²³ См. подр.: *Скоблицов П.А.* Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законодательство // *Закон*. 2022. № 2. С. 163–170.

11. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.
12. Скобликов П. А. Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законодательство // Закон. 2022. № 2. С. 163–170.
13. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–121.
14. Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.
15. Conwell, Chic (pseudonym). The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E. H. Sutherland. Chicago, 1937.
4. Grodzinsky M. M. Professional crime and the Criminal Code of the RSFSR // Law and Life. M., 1923. Book 7–8. P. 72, 73 (in Russ.).
5. Gurov A. I. Professional crime: past and present. M., 1990. P. 25, 26 (in Russ.).
6. Zhizhilenko A. A. Property crimes. L., 1925. P. 182, 188 (in Russ.).
7. Nemirovsky E. Ya. Textbook of Criminal Law. Odessa, 1919. P. 2, 3 (in Russ.).
8. Piontkovsky A. A. Criminal Law of the RSFSR. M., 1924. Part General. P. 220 (in Russ.).
9. Poznyshev S. V. Child homelessness and measures to combat it. M., 1926. P. 4, 105, 106, 136 (in Russ.).
10. Poznyshev S. V. Criminal psychology: criminal types. L., 1926. P. 117 (in Russ.).
11. Rozhkov A. Yu. Struggle with homelessness in the first the Soviet Decade // Questions of history. 2000. No. 11. P. 134 (in Russ.).
12. Skoblikov P. A. The principle of maximum tolerance in the framework of countering crime: modern Russian lawmaking // Law. 2022. No. 2. P. 163–170 (in Russ.).
13. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Guiding principles on criminal law: background of development, prototype of the General part of the first Criminal Code of the RSFSR, meaning (to the 100th anniversary of adoption) // Union of Criminologists and Criminologists. 2020. No. 2. P. 106–121 (in Russ.).
14. Shkredova E. G. The multiplicity of crimes during the formation of Soviet criminal legislation // Modern law. 2008. No. 6. P. 111 (in Russ.).
15. Conwell, Chic (pseudonym). The Professional Thief: by a Professional Thief / annotated and interpreted by E. H. Sutherland. Chicago, 1937.

REFERENCES

1. Vasiliev P. P. Collection of indictments under the Criminal Code of the R.S.F.S.R. / compiled by P. P. Vasiliev, head of the Department for Supervision of the investigation and inquiry bodies of the Omsk. Gubernatorial Prosecutor's Office. Omsk, 1922 (in Russ.).
2. Vodolazsky B. F., Vakutin Yu. A. Criminal groups, their customs, traditions, "laws" (Past and present). Omsk, 1979. P. 5, 6 (in Russ.).
3. Gernet M. N. Crime and suicide during the war and after it. M., 1927. P. 46, 154, 160 (in Russ.).

Сведения об авторе

СКОБЛИКОВ Петр Александрович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-7875-7036

Authors' information

SKOBLIKOV Petr A. — Doctor of Law, Leading Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia